

Голова на блюдечке

«ЛЕТО, КОТОРОГО МЫ НЕ ВИДЕЛИ ВОВСЕ»

В ТЕАТРЕ «ПРИЮТ КОМЕДИАНТА»

приглашает ТАТЬЯНА ДЖУРОВА

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ «Приют» особо ревностно пополняет свой репертуар современными пьесами. Именно здесь поставили «Shopping&fucking» Марка Равенхилла и «Человека-подушку» Мартина Макдонаха. Правда, обе они театру не удалось. В то время как в Москве стараются сделать происходящее на сцене реальнее самой реальности, в Петербурге стараются адаптировать «новую драму» к условным жанровым схемам и приспособить к опыту рядового театрального обывателя. Неудивительно, что эта самая драма в Петербурге так и не стала по-настоящему новой и не произвела революции в режиссуре.

«Лето, которого мы не видели вовсе» Юрия Клавдиева можно рекомендовать тем, кто прошел испытание шопингом-факинг. А также тем, кого не удовлетворила в нем стыдливая режиссура дебютанта Сергея Шипицына. «Лето» ставит еще один молодой режиссер Андрей Корионов, выпускник Юрия Красовского. Он сам предложил пьесу Клавдиева, а худрук «Приюта» Виктор Минков отважно поддержал этот выбор. Отвага не повредит и актерам Александру Жданову, Наталье Высочанской, Юрию Ершову, Павлу Чинареву и Антону Гуляеву. Персонажи Клавдие-

ва творят такое, по сравнению с чем поступки и проблемы героев Равенхилла могут показаться детской возней в песочнице. В первом действии герои расчлениют труп и запекают его голову в духовке, во втором трахаются, нюхают клей и курят траву. При этом четверо несовершеннолетних, а пятый — пенсионер, большевик и вообще упырь. Все эти персонажи и акции совершенно немыслимы для петербургского театрального менталитета, как актерского, так и зрительского.

Обращение с такого рода материалом требует от режиссера достаточной внутренней свободы уже потому, что сквозь черную здесь сквозит иная, фантастическая ре-

альность, другая, некорреалистическая эстетика (кстати, пьеса посвящена Евгению Юфиту). Действия героев опалены огнем священного безумия. Дед изводит бомжей согласно Диалектике Мертвых Коммунистов, укуранные подростки зачинают в подвале нового Мессию, а их темный натруженный язык похож на тот, которым изъясняются персонажи Андрея Платонова.

Проблема в том, что репертуарная политика «Приюта» стремится соединить несоединимое — например, «Shopping&

fucking» с гламурными шоу наподобие «Сладкой лжи» — и учесть вкусовые предпочтения всех категорий культурно отдыхающих, включая самые отдыхающие их слои. Поэтому едва ли Корионов сочтет возможным ставить «Лето» близко к тексту, который у Клавдиева непечатный через два слова на третье. Скорее всего, режиссер постарается его причесать и поэффектней упаковать. Например, бомжи рискуют превратиться в клоунов и закружиться в вальсе (в спектакле обещают множество хореографических номеров).

Вряд ли эти полухудожественные полумеры удовлетворят как подготовленных зрителей, желающих увидеть «новую драму» как она есть, так и чопорных буржуа, забредших на спектакль по ошибке и бегущих из зала, чуть только разговор заходит, допустим, о заднице. Приходится прогнозировать очередной массовый исход возмущенной публики, жалобы в комитет по нравственности и тому подобное. После чего новая драма будет окончательно вытеснена в подвалы, ангары и гаражи, то есть в нормальную для нее лабораторную среду.

«Приют комедианта», 10, 11 апреля, 19.00

Скандинавский синдром

«NORWAY TODAY» В БДТ

рассказывает ТАТЬЯНА ДЖУРОВА

В ТО ВРЕМЯ КАК на основной сцене БДТ — громоздкие образцы «большого стиля», на камерной — очередная попытка инсценировать современную драму. На этот раз — западноевропейскую. Пьесу швейцарского немца Игора Бауэршми (кроме них, он пишет еще и музыку, а также возглавляет собственный театр «Off off Bühne») ставит молодой режиссер Егор Чернышов, знаменитый, главным образом, популярным аттракционом «Ужасы Петербурга». В начале нулевых «Norway today» прокатывали много — в московском Театре.doc, Красноярске, Новосибирске. Отголоски той волны докатились, наконец, и до Петербурга. Успех пьесы в России объясним. У русских режиссеров она проходит по привлекательному разряду сентиментальной любовной драмы о том, как юные сердца нашли друг друга.

История такая. Сначала двое знакомятся в сети, где девушка Юлия ищет себе единомышленника и партнера. Для чего? Чтобы покончить с собой. Откликается юноша по имени Август. Потом действие переносится в норвежские горы, где эти двое разбивают палатку, собираются прыгнуть с обрыва, но вместо этого ссорятся, мирятся, пытаются убить друг друга, подсчитывают, сколько секунд им лететь и о чем они успеют подумать за это время, наблюдают северное сияние, кажется, занимаются любовью (возможно, это только воображаемый акт), многократно и безуспешно пробуют записать на видео прощальное обращение к родным. И главное, чрезвычайно много говорят. Финальная хитрость пьесы в том, что последняя фраза звучит так: «Давай уйдем отсюда». Непонятно только куда: то ли «из жизни», то есть шагнем с обрыва, взявшись за руки, то ли обратно «в жизнь».

Наши режиссеры обычно решают дело в пользу жизни: «уж лучше наслаждаться и друг друга любить». А в спектакле самого Бауэршми, написавшего пьесу по мотивам реального происшествия, описанного в газетах, герои все-таки отправились на тот свет. Как и их прототипы. Дело в том, что «Norway» следует традициям западной интеллектуально драмы, в которой важны не столько эмоциональные мотивы поступков, сколько осознанный, зрелый выбор героев. То, что русские самоубийцы не решаются на последний шаг, продиктовано не столько традицией умирительного хэппи-энда, сколько недоверием к болтливости героев. Ведь в финале они попросту не могут сформулировать, зачем им умирать.

Как правило, героев Бауэршми делают совсем юными. Варвара Павлова (Юлия) и Руслан Барабанов (Август) моло-

ды, но не настолько, чтобы играть неуравновешенных подростков. Значит, история будет о чем-то другом. По психотипу актеры чрезвычайно подходят персонажам. Она — резкая, сильная и графичная. Он — нежный, слабый и мягкий. Эффектно выглядит макет сценографии Николая Слободяника, больше похожий на орнамент из металла, пластика и камня и подсвеченный направленными лучами прожекторов. Будет и видео-арт — работы Александра Малышева. Без него не показать ни гор, ни северного сияния. Да и действие пьесы Бауэршми периодически развивается в двух планах: в реале — физическое присутствие героев, на экране — слова и мысли, и наоборот. Остается надеяться, что режиссер не будет чуть менее разговорчивым, чем драматург.

Малая сцена БДТ, 11 и 12 апреля, 19.00